

БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ!

«ШО Е, ТО Е!», ИЛИ ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ НАЗВАНИЕ КНИГИ

Должен сказать сразу, что название книги «Бывают странные сближенья» придумал не я. Его подсказала мне Нина Анатольевна Жиркова, к которой я обратился за советом. Сделал я это не случайно. Нина Анатольевна, прежде чем стать начальником Управления культуры Большеболдинской районной администрации, долгое время преподавала русский язык и литературу представителям «племени младого, незнакомого». А затем почти пять лет работала заместителем директора музея-заповедника А.С. Пушкина. Кроме того, у неё есть железное правило: ежедневно заучивать наизусть не менее восьми строк из пушкинских произведений.

Поэтому Пушкина она действительно знает. Хотя, конечно же, говорить «знаю» о Пушкине столь же опрометчиво, как и о вселенной. Но это отдельная тема. Так вот, Нина Анатольевна посоветовала перечитать «Заметку о поэме «Граф Нулин», написанную Пушкиным Болдинской осенью 1830 года. И особое внимание обратить на последнюю фразу. Я перечитал это небольшое пушкинское произведение, в котором автор делится размышлениями о том, как случайная встреча, совершённый или же несовершённый поступок могут породить цепь взаимосвязанных происшествий, спровоцировать своеобразную цепную реакцию. Заканчивалось оно совсем короткой фразой: «Бывают странные сближения».

Да... Ещё как бывают!.. И едва ли не все описанные мною околomuзейные истории порождены такими вот «странными сближениями».

Прочитав их, я мысленно поблагодарил Александра Сергеевича — за авторство, и Нину Анатольевну — за подсказку. И который раз посетовал, что она до сих пор не взялась за перо. Ведь историй не менее занимательных она знает великое множество. Одну из них, из её уст услышанную, не могу не воспроизвести.

Есть у Нины Анатольевны хорошие знакомые, которые выдали замуж дочь. Глава семейства — гуманитарий, вулканически словоохотлив и очень общителен. Где-то через год после свадьбы принимает он дорогого и долгожданного гостя — свата. Живёт последний далеко, в другом городе, и не в России, а аж на Украине. Потому и с поездкой к новой родне долго не «срасталось». Сват — человек габаритный, спокойный, немногословный — полная противоположность хозяину.

И вот, застолье в честь дорогого гостя. В числе приглашённых, а их целая компания — человек двадцать — сослуживцы, соседи, родня. Хозяин поднимает первый тост, в котором «кратенько» знакомит собравшихся с историей появления новой семьи, а

значит и новой родни. Переходит конкретно к свату. Монолог следует приблизительно такого содержания:

— Разрешите, уважаемые друзья, представить вам моего дорогого гостя. Иван Иванович, покажите! А! Каков у меня сват! Сейчас я ему дам слово, только прежде должен в любви к нему признаться! Это такой... человечиче! Это... глыба! Это... Да он сам сейчас все скажет. Я только два слова о нем. У него сын!.. Лучше я своей дочери и не желал! Весь в отца! Сват! В тебя! Ну, скажи! Нет! Погоди! Ты же не знаешь, как я тебя уважаю...

И так далее и тому подобное...

Наконец, после многочисленных одёргиваний жены и дочери, хозяин ненадолго успокаивается и дает, наконец, слово свату.

Тот поднимается во весь свой немалый рост. Его ладонища почти полностью поглотила наполненную до краев рюмку. Свободной пятернёй он поправляет ворот рубахи, поглаживает задумчиво то место, где мог бы красоваться галстук, и неторопливо и солидно изрекает:

— Ну!.. Шо Е, то Е!..

И, ничего к тому не добавив, одним глотком опустошает рюмку...

Вот и мне остаётся только сказать читателям, вынося на их суд свои околomuзейные истории, рождённые благодаря «странным сближениям»: — Уж не обессудьте! Шо Е, то Е!..

ЦЫГАНЕ

Табор пришёл в Болдино июньским утром. Наверное, это был единственный в истории нашего села случай, когда появление цыган не сопровождалось набегами на дворы и огороды, традиционным «Давай погадаю, красавица!», «Позолоти ручку, дорогой!..» Никто никому не предлагал латунные безделушки, выдавая их за чистое золото. Нет, ничего этого не было.

Цыгане разместили свои кибитки у коновязи за музейной оградой и чинно, степенно, с достоинством, один за другим через открытую уже калитку появились на территории парка. Впереди шёл барон.

Много лет спустя, впервые увидев фильм о Будулае, я поразился сходству его с тем бароном. Разве что был тот немного кряжистее киногероя.

Цыгане вошли в музей... Должен сказать, что музейная экспозиция ещё только создавалась и не отличалась богатством и разнообразием. Но был один экспонат, который весь немногочисленный коллектив музея оберегал, как зеницу ока. В центре небольшой витрины под увеличительным стеклом на атласной подушечке покоилась малюсенькая

книжечка. Через боковое обычное стекло был виден лишь брусочек в четверть спичечного коробка. Зато через лупу, о! чудо! можно было прочитать текст пушкинской поэмы и увидеть иллюстрации «Медного всадника». Эта уникальная вещьца была выключена в одном из столичных музеев, конечно же, на время, и утра та её была равносильна... ну, наверно, разрушению памятника вождю всех народов, который был воздвигнут на территории парка и простоял здесь до известных событий, то бишь пока Никита Сергеевич не занялся вплотную культом личности.

Но я отвлёкся. Итак, цыгане вошли в музей. Барон сразу же заплатил за билеты, причем, купив их даже для цыганят, что тарасили глазёнки откуда-то из бесчисленных складок одеяния молодых цыганок. Когда матушка моя робко возразила ему, что детей музей готов принять бесплатно, он сказал: «Нет, дочка...» и ничего к этому не добавил.

Итак, экскурсия началась. Да, я не сказал ещё о двух действующих лицах: уборщицы, они же и смотрители музея, тётя Маша Курушина и тётя Маша Старенькая. Фамилия у последней была другая, но звали её все только так, наверно, из-за возраста или чтобы не путать с более молодой тёзкой. Едва табор замаячил за окном, они, одновременно охнув и схватившись за сердце, как по команде, вооружились (одна — шваброй, другая — метёлкой) и заняли пост справа и слева от главного экспоната музея, описанного чуть выше. В глазах их можно было увидеть решимость умереть, но не позволить «супостатам» упереть реликвию.

...Это была удивительная экскурсия. Полвека спустя я помню её от и до. Уже успев наловить десятка два карасиков на верхнем, Школьном, как мы его звали, пруду, я прибежал к матушке похвалиться уловом, но тут появились цыгане, и мне уже было не до карасей.

Слушали они заворожённо. А когда матушка стала описывать историю создания поэмы «Цыганы», экскурсанты уже не могли сдержать эмоций. Потом была долгая экскурсия по парку... Прощаясь, барон сказал фразу, которую я вспоминаю теперь всё чаще и чаще: «Спасибо тебе, дочка, за нашего Сергеича!.. Ты не верь, когда говорят, что он арап. Цыган он. Цыган!» Табор ушёл. Мне не было жаль забытых мною у входа в музей карасиков, которых сожрал наглый до невозможности музейный кот Васька. А две тётя Маши всё ещё стояли на посту, сжимая в руках своё «оружие» и так и не поняв до конца: как, почему и что же это было.

БАРИН ЕДЕТ!

Снимался фильм, в котором описывались события 1830 года — первый приезд Пушкина в Болдино. В роли поэта — замечательный актер горьковского ТЮЗа Александр Палеес. По замыслу режиссера Пушкин на лошадке (в санях) въезжает в Болдино со стороны Лучинника (роща такая в окрестностях Болдина).

Был отснят последний дубль. Помощник режиссера сделал Пушкину, то бишь Палеесу, отмашку, тот стеганул лошадку и поехал по заснеженной улице в сторону музея.

А на краю той самой улицы жил совершенно древний дед. Он был настолько стар, что пережил не только своих детей, но и внуков. Лишь только избушка его, да гогучая ветла за окном были, судя по всему, его ровесниками.

Секрет долголетия деда был достаточно традиционен для российской глубинки. Он выпивал ежедневно бутылку водки. Заспиртовался, превратился в живую мумию. Может быть, он дожил бы и до перестройки, но...

В то самое «чудное мгновенье», когда Палеес в пушкинском одеянии проезжал мимо, дед вышел по малой нужде на крылечко.

Далее события разворачивались таким образом. Дед, увидев Пушкина и забыв, зачем он, собственно, выполз на свет божий, упал на колени и со слезами умиления в голосе буквально завопил: «Барин едет! Барин!»

Лошадь понесла. Палеес, корчась от смеха, вывалился из саней в сугроб, где уже лежала вся съёмочная группа.

А дед от пережитого забыл на следующее утро принять привычную дозу, занемог и через неделю отошёл в мир иной.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОГИКА

Булат Окуджава, Александр Абдулов, Олег Янковский. Они приехали в Болдино на съёмки фильма «Храни меня, мой талисман».

Событие даже для пушкинского Болдина нерядовое. Тем более, что аборигены были приглашены на массовку. Да ещё с выплатой (сразу на руки) честно заработанной пятёрки (по тем временам: бутылка с закусью).

Кто-то из болдинцев сходил пару-тройку раз. Кто-то — побольше. А мой сосед Геннадий прямо прописался на съёмочной площадке. Благо дома наши от музея отделяли какие-то метров сто-двести. Своим человеком у киношников стал. Особенно после того, как не нашлось среди актёров желающих проплыть на плоту по пруду (есть в фильме такой эпизод). Плот-то, и правда, сделали плохонький. Да и погода была ветреная и прохладная. Короче, если бы не Геннадий...

Он согласился сразу. Пару раз искупался, правда, слетев со скользких брёвен. Зато когда фильм был уже готов, вышел в кинопрокат и привезён был в район для демонстрации...

Геннадий взял на работе отпуск и объездил весь район вместе с киноустановкой. И каждый раз, даже если в сельском клубе было пяток-другой зрителей, как только на экране появлялся плот, вскакивал и кричал:

«Я ведь это, я!»

Неудивительно поэтому, что когда возникала какая-то сложная ситуация, вспоминали сразу же о Геннадии.

Да, собственно, и вспоминать-то не приходилось. Он сам о себе напоминал.

Есть в фильме эпизод, когда по горбатуму мостику бежит собака. Обычная дворняжка. Уж не знаю почему, но режиссер решил, что без неё фильм — не фильм. Даже съёмку при- тормозили. Пока дворняжку не съшут.

Самое смешное, что до этого собаки даже съёмкам мешали. То лаять начнут. А то ещё хуже: сексуальную озабоченность демонстрируют. А тут, на тебе! Ни одной! Даже самой захудалой!

Ребятишек (они со съёмочной площадки, похоже, даже поесть не уходили) разослали во все концы. Нет! Пусто! Глухо!

Выручил, как всегда, Геннадий. Представил собаку. Да ещё именно такую, какую видел режиссёр в мечтах своих.

Съёмки прошли успешно. Собачонка даже против пары дублей не возражала.

Пришла пора участникам массовки получать заслуженный гонорар. Геннадию выдали червонец. Пять рублей — за участие в массовке, пять рублей — за Шарика (его так окрестили киношники).

Не тут-то было. Заикаясь от возмущения, Геннадий потребовал от помрежа объяснений: «Не понял!.. И это всё? За собаку?!.»

Тут всё чуть было не испортили ребятишки, завопившие: «А собака-то — не его, дяденька режиссёр!»

«Слышь, Ген! Собаку-то ты чужую привёл», — попытался усюветить соседа прижимистый помреж.

И тут Геннадий произнёс фразу, которая решила все проблемы: «А ты вот скажи мне: что проще — свою собаку привести или чужую?»

Режиссер, стоявший неподалёку, с интересом прислушиваясь к диалогу, хлопнул себя по бедрам и, давась от смеха, выдал: «Четвертной ему! Убедил! Железная логика!»

